A watercolor illustration of a forest scene. In the foreground, two figures are lying on their backs on a patch of green grass. They are wearing blue shirts and brown pants. The background is filled with various green plants, including ferns and tall grasses. A large, light-colored, abstract shape, possibly a rock or a large leaf, is visible in the upper left. The overall style is soft and painterly.

Рассказы
участников курса
писательского
мастерства

СЕРЁЖКИ
С ТОПАЗАМИ

**Светлана Белова
Светлана Локтыш
Наталья Литвишко**

Серёжки с топазами.

**Рассказы участников курса
писательского мастерства**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24152894

ISBN 9785448520693

Аннотация

Это второй сборник рассказов, который выходит по итогам курса писательского мастерства. Книга представлена тремя авторами, которые проживали ситуации, а то и жизни вместе со своими героями: шагали от изживших себя отношений – в новую жизнь, выбирали между чистым служением искусству и сытой жизнью, воскресали из небытия благодаря искренней вере любимой женщины... Любящий муж, беременная вдова, художник, волшебница, печник или солдат-афганец... Кто зацепит читательское сердце?

Содержание

О Слове и Вере, дарующих Чудо	5
Слово авторам	10
Светлана Белова	10
Наталья Литвишко	12
Светлана Локтыш	14
Светлана Белова	16
Нарисуй меня князем	18
Попутчики	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Серёжки с топазами
Рассказы участников курса
писательского мастерства

Светлана Локтыш
Наталья Литвишко
Светлана Белова

Иллюстратор Светлана Белова

Редактор Светлана Локтыш

© Светлана Локтыш, 2017

© Наталья Литвишко, 2017

© Светлана Белова, 2017

© Светлана Белова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2069-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О Слове и Вере, дарующих Чудо

Скажи, дорогой читатель, есть ли в твоей библиотечке книга-оберег?

Если ответ отрицательный, опровергну его, потому что теперь – есть!

Сборник «Сережки с топазами» назван так не зря: один из персонажей одноименного рассказа утверждает, будто голубой минерал улучшает взаимопонимание между людьми, опекает влюбленных и успешных. Не выносит только неискренности и лжи.

Возможно, ты – влюблен. Или успешен. Или мечтаешь таковым стать. И, уверена, ты – искренний человек, иначе бы после первого абзаца закрыл эту страничку. Представь себе, что книга, которую держишь в руках, пропиталась энергией топаза. Потому что все в ней шло – от горячих сердец авторов, которые мечтают хоть чуточку улучшить мир, помочь людям разобраться в себе и в других.

Искусство в таких случаях – первейшее дело. Особенно писательство. Оно завязано на Слове, которое обладает великой магической силой.

Молитва исцеляет порой даже безнадежных больных. Заговор снимает испуг и лечит лишай. Грамотно поданная информация совершает переворот в сознании. А горячее слово командира поднимает людей на смертельную схватку с вра-

гом и помогает побеждать...

Все, что несет Слово, заряженное эмоциями, способно менять реальность. И в жизни, и в творчестве.

Разве ты ни разу не плакал над щемящими строками любимого романа? Или не хотел оказаться на месте героя, вызвавшего на бой Зло? Уверена, что хранятся в твоём сердце и любимые поэтические строки, от которых бегут мурашки по телу и мир, хотя бы на время, представляется не таким, как всегда...

В книге «Сережки с топазами» собраны рассказы трех участниц курса писательского мастерства, который проходил на протяжении апреля 2017 года. Это – второй писательский марафон. Первый мы провели в январе этого же года, и по результатам его в феврале увидела свет книга «[битая ссылка] Волшебная скалочка».

Ни тогда, ни сейчас авторы ни о чем не молили, ни к чему не призывали и ничего не обещали. Просто рассказывали всякие истории: из жизни и совершенно выдуманные, смешные и трагичные – и через них пытались найти ответы на многие волнующие вопросы.

Как и в первом сборнике рассказов, в книге «Сережки с топазами» каждый текст – это тщательно выверенные слова. Словно солдатики, они заняли строго свои места в полку собратьев – чтобы передать точный смысл сказанного.

И, да, слова заряжены сильными эмоциями. Потому что авторы проживали ситуации, а то и жизни вместе со своими

героями: предпочитали сделать шаг от изживших себя отношений – в новую жизнь, выбирали между чистым служением искусству и сытой жизнью, воскресали из небытия благодаря искренней вере любимой женщины...

Любящий муж Николай и беременная Зоя, Художник и Ведунья, разочаровавшийся Степан и мастеровой Семен... Кто зацепит твое читательское сердце и вызовет ответную реакцию?

Вместе с героями ты облетишь мир, побываешь во Владивостоке, горах Афганистана, глухой белорусской деревушке, даже на том свете и в сказке. Героям подвластно и время, а потому не только порассуждаешь о житье-бытье с современниками, но также окунешься в лихие годы Великой Отечественной войны, побываешь в «колхозных» 80-х прошлого века и заглянешь на двадцать лет вперед.

Веришь? Надеюсь, что да. Потому что не только Слово, но и Вера – важнейшие элементы, дарующие Чудо.

И этот сборник останется всего лишь книгой с рассказами, если ты, дорогой читатель, не поверишь в него. Но если поверишь, что это оберег, – он таковым станет. И наши «Серезки с топазами», засверкав гранеными бочками голубого минерала, будут помогать тебе выстраивать взаимоотношения с людьми, становиться успешнее и принесут чистую, как подземный родник, любовь.

Авторы искренне желают тебе этого.

Я же говорю «спасибо» Светлане Беловой и Наталье Лит-

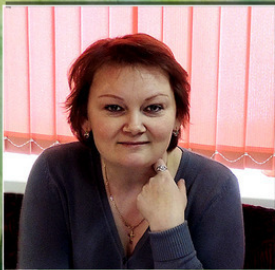
вишко, которые поддержали меня в марафоне и трудились, как пчелки, над своими и чужими рассказами – чтобы они становились все лучше и лучше, чтобы ты, наш читатель, получил удовлетворение от прочитанного.

Светлана ЛОКТЬШ,

член Союза писателей Беларуси,

тренер курса писательского мастерства.

ЛИЦОМ К ЧИТАТЕЛЯМ

СВЕТЛАНА ЛОКТЫШ

СВЕТЛАНА БЕЛОВА

НАТАЛЬЯ ЛИТВИШКО

Слово авторам

Светлана Белова

Если бы мне в детстве, или даже в юности, сказали, что начну писать и публиковать рассказы, я бы сначала сделала большие глаза, а потом долго и заливисто хохотала. Всегда, сколько себя помнила, мне нравилась профессия учителя. В школе обожала учительницу русского языка и литературы. И потому мечтала тоже ею стать.

После школы пошла учиться в педагогический. Периодически писала наброски рассказов, но выбрасывала их, считая баловством. Ведь для меня писатель – это не просто человек, который умеет складывать слова в предложения. Это Лев Толстой, Шарлотта Бронте, Дина Рубина... Это Писатели! А я что...

Однако учителя из меня так и не вышло. А жить без писательства становилось с каждым годом сложнее.

Поначалу стремление выплеснуть слова на бумагу применяла в рамках районной газеты, где работала корреспондентом. Именно в ней впервые опубликовали два моих рассказа.

Со временем, когда разного рода творческих текстов стало больше, решила не просто записывать свои идеи и оформлять их в виде рассказов, но и давать читать дру-

зьям. Добрые отзывы удивляли и радовали. Вдохновляли настолько, что решила писать больше и чаще.

Ранние рассказы можно прочитать в моём блоге [битая ссылка] <http://shiawase.ru>, пару «свежих» – в сборнике, который вышел по итогам первого потока курса «Три рассказа за тридцать дней». Книга называется «[битая ссылка] Волшебная скалочка».

Но большая часть всё ещё находится в стадии разработки: одни на уровне идей, вторые на стадии сбора материала, третьи на этапе авторской правки. Потому и писателем себя не считаю. Хотя мечтаю им стать.

Наталья Литвишко

Позвольте представиться. Наталья Литвишко. Не так давно я начала писать. Сначала сказки. Потом рассказы. Нашлись читатели. Первые – у меня в блоге [битая ссылка] «О деньгах и не только...». Позже – на ресурсах моих друзей. И меня затянуло!

Кто-то спросит: «Зачем писать? Ведь уже столько всего написано!» Однозначного ответа не будет. Есть внутренняя потребность делать это, есть желание поделиться своими мыслями и переживаниями с другими людьми.

Кто знает, какие таланты заложены в нас природой? У каждого свой творческий потенциал. Мне нужно было пройти определённые этапы в жизни, чтобы прийти к писательству. А когда я поняла, что начало получаться, меня провало. Я вижу сюжеты будущих произведений во всём.

Остаётся только сесть к компьютеру, и доверить ему наблюдения и мысли.

Иногда отдельные фрагменты долго не складываются в единую картинку. Я их тасую, как карты в колоде – всё не то! Стараюсь выбросить сюжет из головы, не думать о нём. Проходит время, и внезапно паззлы складываются. Настигает меня отброшенный сюжет чаще ночью. То ли в полудрёме, то ли во сне ясно вижу сцены будущего произведения, слышу голоса героев. И я уже не могу не дать им жизнь. Они,

как мои дети: пришёл срок – пора появиться на свет.

Плохо это или хорошо, я не знаю. Даже не могу разобраться, кто ведущий, а кто ведомый – я или они.

Знаю одно: писательство позволяет мне, проживая жизни героев, находить важные ответы для себя. Станет ли оно любимым делом в жизни, я пока тоже не знаю. Буду писать, пока пишется. А дальше – жизнь покажет.

Светлана Локтыш

Тихонько посапывают сыновья. После напряженной рабочей недели приехали погостить из Минска. Взрослые. А кажется, совсем недавно могли свободно спать поперек полуторных кроватей. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...» – крещу и тихонько прикрываю дверь.

Муж, радостный оттого, что впереди выходные и не надо готовиться к урокам, ушел в свой мирок на балконе. Со специфическим хрустом резец вгрызается в кусок дерева, готовый превратиться в очередную вазочку, и мелкие стружки с таинственным шепотком летят на пол.

В другой части огромного балкона ждет и меня уголок. В цветных коробочках примостились ниточки и кусочки ткани. Мастеровитые руки отчима сплели пеструю корзинку, и теперь топорщатся из нее начатые рукоделки, горделиво поблескивают крючок и спицы.

Но самое почетное место отведено письменному столу и настольной лампе на нем – мечте не слишком обеспеченного детства: наша с сестренкой мама рано осталась вдовой. Зато она часто покупала и читала нам книги. Какое счастье! Я готова была даже болеть, что и делала с успехом: в такие дни мама откладывала иные дела и выполняла мои желания, которые сводились к одному – «почитай!».

Письменный стол с лампой есть и в «зеленой» комнате.

Оба набиты бумагами и ручками, сверху горками возвышаются непрочитанные книги, курсирует от одного к другому мой красный ноутбук.

Какие идеи этим апрельским вечером посетят голову? Я знаю, где они живут: в топоте соседей по лестничной площадке, серпике любопытного месяца за окном, строках неизвестного автора под обложкой журнала и в умиротворенном уюте нашей квартиры. Остается поймать ускользающие мгновения за норовистые хвостики.

Люблю такие вечера, когда все дома. Люблю жизнь и людей. В такт любящему сердцу пульсирует в пальцах жажда писать – о том, что чувствую, думаю, фантазирую и чем дышу. В стихах, прозе и в статьях блога [битая ссылка] <https://panisvetlana.ru/>.

Светлана Белова

Нарисуй меня князем

Он сидел на складном стульчике рядом со своими картинами на бульваре. Напротив расположилась миловидная девушка, в тёмно-ультрамариновом¹ платье, удивительно оттенявшем её оливковые глаза. Постепенно на шероховатой поверхности акварельного листа вырисовывался портрет, который художник исполнял углём.

Мимо сновали люди, гудели машины. Голуби топтались невдалеке, ожидая окончания работы художника. Знали, что он непременно поделится булочкой, которую купит на обед.

Изредка прохожие останавливались посмотреть на рождение портрета. Некоторые с улыбкой кивали, одобряя сходство изображения с оригиналом.

Закончив рисовать, художник отошёл в сторону. Легонько сдул крупные угольные частицы с поверхности бумаги и обработал её фиксирующим составом.

Счастливая девушка, щедро оплатив работу, упорхнула, а в кармане художника поселилась надежда на два горячих ужина.

В эту минуту перед ним появился плотный мужчина в дышащем дороговизной и статусом костюме цвета шунгита².

¹ Ультрамарин тёмный – светостойкая краска глубокого синего цвета, тёплой гаммы.

² Шунгит – здесь: краска глубокого чёрного цвета с незначительным синим от-

Художник приветливо улыбнулся, как улыбался всем клиентам. Приглашая присесть, показал на стул.

– Слушай, – широко раскинулся на сидении мужчина, – давно наблюдаю за тобой, есть деловое предложение.

Художник отложил клипборд³ с бумагой и внимательно посмотрел в янтарно-тёмные глаза собеседника.

– Анатолий, – протянул руку мужчине.

– Алексей Романович, – ответил тот и, пожав ладонь, провёл ею по колену. – Друзья зовут меня Романов, но я этого не люблю. Ладно, к делу.

Мужчина поставил ногу на носок и принялся ею потряхивать, отбивая быстрый такт пяткой.

– Я держу небольшой ресторанчик и решил сделать ребрендинг. Мой дизайнер предложил украсить залы чёрно-белыми портретами. Конечно, можно распечатать всем известные фэйсы, но это не статусно, понимаешь, Толик?

Художник кивнул.

– Я хорошо заплачу, кроме того, разрешу поставить подписи.

– Кого рисовать? – Анатолий то вертел кисточку между пальцами, то засовывал её между зубами.

Алексей Романович стушевался и, оглянувшись по сторонам, приглушенно сообщил:

тенком, производится с чёрным пигментом, выделяемым из шунгитовых, углеродсодержащих пород.

³ Клипборд – канцелярский планшет для бумаги с зажимом или прищепкой.

– Тут задача такая... Нужно взять меня, – он хлопнул себя по груди, – потом управляющего, шеф-повара... Ну, там ещё кого... И нарисовать меня – князем, остальных – дворянами...

Алексей Романович внимательно смотрел на художника, но тот и бровью не повёл, слушая заказчика.

– Сколько всего портретов?

Ресторатор принялся прикидывать, загибая пальцы, потом махнул рукой и быстрым движением достал из внутреннего кармана пиджака сотовый:

– Яся, сколько там этих картинок надо?

Отключившись, продолжая отбивать пяткой по брусчатке, произнёс скороговоркой:

– Тринадцать портретов, формата А1, вертикально. Семь пейзажей, горизонтально.

– Сроки?

Лицо художника по-прежнему не выражало эмоций, и Алексея Романовича это радовало.

– Десять дней. Толик, так возьмёшься?

– Я могу подумать?

– Да что там думать! От дум голова болеть будет! – растянул улыбочку от собственной остроумности Алексей Романович, но тут же осёкся: взгляд художника пронзал холодом. – У тебя два часа. Сейчас я иду на встречу в от торговый центр, – он показал на крайний в конце улицы ярко-оранжевый павильон, – на обратном пути подойду.

Художник кивнул. Ресторатор, тряхнув ногой, расправил штанину и удалился.

Анатолий зачехлил работы, сложил их в сторонке. Попросил соседку, которая торговала горячей кукурузой, приглядеть за вещами, и отправился в ближайшую столовую.

Выбрал порцию борща, рис с кусочком рыбы и компот. Расположился у большого окна, из которого виднелся сизый прямоугольник картин в чехле. Не спеша отхлёбывал борщ и размышлял.

Мысленно разделив тарелку на две части, стал выкладывать на ободок с одной стороны кусочки капусты, а с другой – моркови. Давняя привычка, за которую мама не раз выгоняла из-за стола...

Работы много, вероятно, придётся отложить цикл картин, которые задумывал нарисовать, – кусочек капусты лег на левую часть тарелки. Можно стать известным, ведь авторские знаки будут на всех портретах – выловил кусочек моркови и расположил на правой части ободка. Но кто узнает неизвестного художника по подписи? Да и вообще неприятный тип, этот «Алексей Романович», – два кусочка капусты присоединились к первому. Возможность работать вне зависимости от погоды – морковка получила соседку. Приукрашивать – дело привычное, но чтобы вот так, из грязи в князи... – капуста. Количество картин потянет на персональную выставку, которая продолжится до очередного взбрендинга ресторатора – морковь. Решение денежного вопроса – опять

морковь. Подумав, добавил ещё кусочек, потому что с финансами было совсем не так густо, как с овощами в борще.

По всему выходило – стоит согласиться, но душу обжигало неосознаваемое сопротивление.

Перейдя к рису с рыбой, художник попытался откопать в глубинах ума или сердца, что именно вызывало сомнения. Но мысль ускользала.

Перед глазами появился седовласый преподаватель художника Ефим Михайлович. Согнув морщинистый палец, перепачканный сиеной жжёной⁴ и кобальтом синим⁵, хриплым голосом он вещал: «Вы – свободные Художники! Запомните: если вы ставите деньги выше свободы, ваши картины никогда не станут произведениями искусства!»

Конечно, ему хорошо говорить. Член Союза художников, известный живописец в третьем поколении, с оплачиваемой работой в институте. Он мог позволить себе «не продаваться» и писать по велению души, отправляя работы на аукционы. Его картины хранились в государственных музеях и частных коллекциях, периодически выставлялись на известнейших выставках.

Но Анатолию нужно на что-то жить. И бесконечные портреты, которые он рисует изо дня в день, продаются лучше

⁴ Сиена жжёная – тёмно-жёлтая краска с красно-коричневым оттенком, обладающая глубоким тоном и большой кроющей способностью, одна из наиболее используемых в палитре художников.

⁵ Кобальт синий – краска средне-синего оттенка, слабо насыщенная, с небольшим фиолетовым свечением, холодной гаммы.

пейзажей и натюрмортов. Вон они, по полгода не могут найти покупателя.

Художник вздохнул. Вышел из столовой. Вернувшись на своё место, сунул пару монет продавщице кукурузы в благодарность за присмотр. Достал картины и, присев на корточки, принялся расставлять, укрепляя с обратной стороны самодельными подпорками. Решение так и не созрело.

Группа иностранных туристов остановилась перед небольшой экспозицией. Переводчик отделился от толпы:

– Сколько стоят?

– По пятьсот каждая, – ответил художник, даже не надеясь, что купят. Так бывало не раз за последние несколько месяцев.

И тут перед глазами зависли две бумажки. Он удивлённо вскочил и с улыбкой принял деньги. Две картины переключились в руки иностранцев.

«Вот так денёк, – подумал Анатолий. – Как воспринимать это послание судьбы? То ли согласиться на работу в ресторане, то ли, наоборот, это знак, что и остальные пейзажи смогу быстро продать?»

Мысли никак не хотели выстраиваться в ряд. Поэтому, когда Алексей Романович вновь предстал перед ним, художник вздрогнул.

– Ты чего, Толик? – хохотнул ресторатор. – Совесть не чиста?

– Задумался, – без тени улыбки ответил художник, выни-

мая изо рта деревянный кончик кисточки.

– И как? – Алексей Романович вальяжно приземлился на стул. – Чего надумал?

– Не знаю, – честно ответил Анатолий.

– У-у-у, – протянул Алексей Романович, – я-то думал, ты толковый мужик...

Художник молчал.

– Слушай, – нетерпеливо бросил ресторатор, потряхивая ногой, – ты давай решай уже. Может, о сумме беспокоишься? Так вот, – он протянул конверт. – Это аванс. Закончишь картинку как положено, заплачу в два раза больше, плюс расходные, само собой.

Анатолий с ровным выражением лица открыл конверт, но руки дрогнули: в нём лежало двадцать тысяч.

– Обедрами-ужинами накормлю, – напирал Алексей Романович.

Голос его теперь слышался художнику словно издалека: никогда прежде Анатолий не получал такие деньги за свою работу. А когда ресторатор заплатит остаток, можно будет организовать выставку, давно хотел...

– Согласен, – кивнул, наконец, художник и убрал конверт во внутренний карман жилетки.

Попутчики

Он вошёл в купе, поздоровался. Поставив небольшую сумку, вышел – до отправления поезда оставалось несколько минут. Она увидела: подошёл к молодым парню и девушке, очевидно, друзьям. Они шутили, жестикулировали и чувствовалось, что надеются в скором времени увидеться ещё.

Девушка невольно залюбовалась попутчиком. Подтянутый, высокий, на вид немногим старше её самой. Светлая рубашка в мелкую клетку плотно облегал бицепсы. Казалось, чуть напряги он руки, и рукава треснут по швам. Светло-русые волосы стрижены коротко, хотя чёлка достаточно длинная, чтобы почти касаться глаз. Время от времени парень взмахом откидывал её в сторону. Когда он улыбался, ямочки на щеках выдавали детскую восторженность.

«Нехорошо вообще-то так пялиться», – попыталась отвлечься, но взгляд отвести всё равно не получалось. Живое общение на перроне заставляло задаваться вопросами: куда парень едет, чем занимается, что делал в Хабаровске...

Наконец молодой человек вернулся в купе. Парочка за окном подошла вплотную к вагону: парень постучал в окошко, а девушка, смеясь, помахивала платочком. Потом они оба принялись словно утирать слёзы, жалобно глядя на уезжающего друга, а сами тряслись от хохота. Парень в купе тоже смеялся и покачивал ладонью в ответ.

Сложно было удержаться от улыбки, глядя на эту сцену прощания.

Поезд дёрнулся и плавно потекли за окном люди, столбы, вагоны составов, стоящих на станции...

Девушка зажалась в уголке, старательно делая вид, что читает книгу. Но краем глаза подглядывала за попутчиком. Парень достал смартфон, стал активно с кем-то переписываться.

«Глупая! У такого красавца наверняка есть девушка, – думала, – куда ты смотришь. Читай книжку и мечтай дальше о прекрасном принце». Но прекрасные принцы в голову не шли, как и сам текст, в котором пожарные сжигали книги.

Когда поезд выехал из города, сотовая связь начала пропадать. Парень убрал смартфон. И тут же достал из сумки планшет.

«Надо же, – отметила она, проворачивая кулон на цепочке, – с виду и не скажешь, что он жить не может без телефона и компьютера». Вздохнула.

Хотелось пить, но было неловко доставать термосок с чаем, который всучила мама. И девушка старалась не думать о пирожках, которые, казалось, пахли не только в купе, но на весь вагон. «Ох, мама, вот говорила же тебе, найду, что покушать. Подумаешь, всего полтора суток ехать. И ладно бы оказался соседом какой-нибудь противный дядька или тётка, а то...»

Парень взглянул на попутчицу, и та вспыхнула. Потому

что в этот момент тоже смотрела на него.

Он улыбнулся:

– Как книжка?

Девушка посмотрела на обложку, думая, как бы понейтральнее высказаться. Задумчиво покручивая пальцами кулон на шее, произнесла:

– Ничего. Но «Вино из одуванчиков» понравилось больше.

– Да вы что? – оживился парень. – Бредбери вообще-то классный автор, и, знаете, мне тоже «Вино» больше понравилось. По стилю, по настроению. Хотя «Фаренгейт» уникален самой идеей, философией.

Она кивнула, удивившись такому совпадению впечатлений от прочитанных книг.

Молодой человек опять погрузился в планшет, но тут же спросил:

– А «Марсианские хроники» читали?

Собеседница покачала головой, потом сообразила, что он не смотрит, и сказала:

– Нет. Стоит?

Теперь парень внимательно посмотрел ей в глаза и, откинув чёлку привычным взмахом, произнёс:

– Возможно. Если вас интересуют темы космоса, войны миров, одиночества и судьбы человечества, то стоит.

– А если нет? – чуть заметно улыбнулась девушка.

– Тогда лучше выпить чаю с пирожком.

Она покраснела. «Вот чёрт! Всё-таки мама невыносима со своими пирожками! Хотя...»

– А хотите, вас угощу?

– Неужели у вас есть пирожки?

– Мне кажется, они пахнут на всё купе...

– Да нет. Просто к слову пришлось.

Девушка зашелестела пакетом и достала выпечку:

– Вот, эти с луком и яйцом, а эти с капустой. Мама пекла.

– О! Обожаю с луком и яйцом! Учитывая, что сегодня утром только кофе выпил, пирожки как нельзя кстати. Я – за кофе. Вам принести?

– Спасибо, у меня есть, – попутчица опять покраснела.

Когда парень вернулся с дымящимся стаканом, на столике веером расположились пирожки и небольшая горстка конфет. Он положил на стол шоколадку и поставил медный подстаканник. Ложечка в стакане тут же тихонько зазвенела.

– Угощайтесь, – девушка взяла пирожок.

– Спасибо, – попутчик с аппетитом принялся уминать ароматную, щедро начинённую сдобу. Перемешивая кофе, одобрительно кивнул головой: – Вкуснотища! Вы издалека?

– Из Благовещенска. На учебу еду.

– Ммм, – он выложил ложечку на стол, дожевал пирожок. – Кем будете?

Попутчица улыбнулась:

– Учусь на переводчика. Правда, не решила, буду ли им работать.

– Отчего же?

– Вряд ли в Благовещенске нужны переводчики с японского.

– Так оставайтесь во Владивостоке. У нас разные переводчики нужны.

Она посмотрела за окно:

– Не знаю.

«Так всё-таки он из Владивостока...»

– Я временами немного жалею, что окончил только техникум. Хотя... Сейчас занимаю хорошую должность и никого не интересуется, есть у меня диплом или нет. Кстати, давайте уже познакомимся, Евгений.

– Евгения.

Они посмотрели друг на друга и захохотали.

– Так-так, – он принялся за второй пирожок и развернул шоколадку, жестом приглашая спутницу присоединиться, – значит, сейчас я объедаю не просто студентку, но и тёзку.

– На здоровье. Мне радостно поделиться. Терпеть не могу есть в одиночестве, – Евгения отломил кусочек от плитки. «Господи, о чём говорить! Не спросишь же, есть ли у него девушка или чем он занимается».

– Вы не поверите, – он вытер руки о бумажную салфетку, – но я тоже предпочитаю есть в компании. Поэтому в благодарность за щедрое угощение приглашаю вас на ужин в вагон-ресторан.

Она смутилась, не зная, что ответить. «Было бы здорово

пойти, но это, кажется, не очень прилично...»

– Окей, – Евгений понял её сомнения, – у вас есть время, чтобы решиться. Благодарю за обед, – улыбнулся и, отставив стакан, погрузился опять в планшет.

Евгения убрала оставшиеся пирожки, а шоколадка так и осталась лежать на столе. Она отломилась ещё кусочек и опять открыла книгу.

«Согласиться или отказаться? Соглашусь – приятно проведу вечер в компании с молодым человеком. К тому же, так хочется супчика, а то сухомятка надоела. Но он может не понять – кто на ужин ест суп. И вообще, насколько это допустимо – с попутчиком ужинать... А не соглашусь – потеряю шанс узнать его поближе. Если бы я знала, есть у него девушка или нет, решила бы быстрее. А как узнаешь...»

Некоторое время Евгений сосредоточенно бегал пальцами по экранной клавиатуре, периодически прокручивая экран. По его лицу и движениям видно было, что работал, а не увлечённо играл или общался в соцсетях.

Евгения, не выпуская из рук кулона на цепочке, немного посмотрела на виды за окном, и лишь потом смогла нырнуть в повествование, забыв, что рядом сидит парень почти её мечты. Поэтому, когда он спросил:

– Так что, тёзка, готовы к ужину? – Евгения вздрогнула.

– А ваша девушка это одобрила бы? – выпалила неожиданно для себя и мотнула головой в сторону смартфона, который как раз коротко пискнул.

Евгений посмотрел на экран, быстро клацнул по экрану, набрав короткий ответ.

– Среди моих коллег почти все – мужчины. А с женой мы развелись полгода назад. Главное, чтобы ваш парень это одобрил, – он выключил планшет, а смартфон сунул в карман рубашки.

– У меня нет парня.

– Тогда мы пойдём и съедим по тарелочке супа. Считайте это просто желанием поужинать в компании. Окей?

Она кивнула.

За столиком вагона-ресторана выяснилось, что молодые люди любят суп с лапшой, что мамин борщ – самое вкусное блюдо, и что лучше всего поднимает настроение и работоспособность капучино с корицей.

«Как много у нас общего, – думала Евгения. – Но как много он успел: карьера, семья, награда в спорте... А всего-то на два года старше. Похож ли он на принца, о котором я мечтала...»

Но нечто неуловимое манило к Евгению. Она готова была ехать так ещё трое суток, лишь бы иметь возможность разговаривать с ним. И как жаль, что уже завтра им придётся расстаться. Навсегда.

Ксюша вернулась домой, как и наказывал отец, в десять.

Пластиковым жетоном провела по замку входной двери, потихоньку зашла в прихожую, полагая, что родители спят. Но они сидели на кухне, пили чай с мамиными пирожками и беседовали. Тихонько жужжал автопот.

– Пирожки на ночь? – усмехнулась Ксюша, войдя на кухню.

– Поцелуй на ночь? – передразнил отец.

Ксюша поморщилась:

– Па-ап...

– Что «пап», я в пятнадцать лет не раз целовал...

– Женя! – мама строго посмотрела на отца.

Ксюша присела в торце стола, поставила перед собой кружку:

– Автопот, чаю!

Прибор жужжал чуть громче, передвинулся по столу в сторону пустой кружки. Налив напиток, вернулся на место и снизил звук.

– Мам, пап, а расскажите, как вы познакомились.

Родители переглянулись.

– Он вошёл в купе, – начала мама. – Поставил сумку и вышел попрощаться к друзьям. А я невольно залюбовалась попутчиком.

– Да-да, – кивнул отец, – ещё тогда подумал: кто это мне спину взглядом сверлит! – он повращал глазами. – Правда, быстро догадался, но вида решил не подавать.

– Конечно, я с любопытством наблюдала за тобой. И осо-

бенно понравилось, что ты не курил. В то время слишком многие парни и даже девушки курили, не то что сейчас.

– Спортсмены ни тогда, ни сейчас не курят, – Евгений отпил кофе и взял пирожок.

– Пап, – улыбнулась Ксюша, – а спортсмены на ночь глядя едят по пять пирожков?

– Что это сразу пять? – деланно надул губы отец. – Всего второй. И, кстати, мы с мамой не выносим запаха табачного дыма. Ты это учти.

– Я не курю, папа! – возмутилась Ксюша.

– А я не о тебе, а о твоём друге, – подмигнул отец.

Дочь закатила глаза к потолку и покачала головой.

– Мам, продолжай.

– Когда поезд тронулся, я старалась читать. Но наблюдать за попутчиком было интереснее. Он казался принцем из женских романов, которые я читала пачками в твои годы.

Ксюша потянулась за конфетой. Отец хлопнул её по руке:

– Руки прочь от конфет! А то прекрасный принц тебе не светит. Знаешь, – отец тронул Ксюшу за запястье, доверительно заглядывая дочери в глаза, а у самого в зрачках плясали весёлые искорки, – именно пирожки проложили путь к моему сердцу.

Евгений с таким торжественным видом приложил выпечку к груди, что все засмеялись.

– Дело в том, – продолжала мама, перебирая пальцами подвеску на цепочке, – что перед отъездом твоя бабушка на-

совала приличный пакет пирожков. И я предложила перекусить...

– На самом деле, я был жутко голоден, а те пирожки... – Евгений закрыл глаза, мечтательно помычал, – почти такие же вкусные, как эти, – он открыл глаза и быстро протараторил, – просто спасли меня.

Ксюша веселилась: каждый раз, рассказывая разные истории, отец, словно герой мультфильма, мгновенно меняет маски и роли.

– Заодно, – словно между делом продолжал Евгений, сделав небольшой глоток кофе, – пока мы ели, решил выяснить, что за скромница едет во Владивосток и зачем.

– Ага, – улыбнулась мама, – и так деловито мне: «Оставьте во Владивостоке. У нас переводчики нужны». Будто он мэр города.

– Мэр – не мэр, но к тому времени я был заместителем директора в крупной торговой сети, – отец показал маме язык. Ксюша прыснула. – И тут я решил представиться. Говорю ей: «Давайте познакомимся, Евгений». А она мне: «Евгения».

– Представляю, – смеялась Ксюша.

– Поэтому тебя зовут Ксения, а не Александра или Валерия, – поднял палец вверх отец.

– А дальше? – спросила Ксюша.

– А дальше, пока я судорожно думала, о чём говорить, он вдруг пригласил меня ужинать в вагон-ресторан.

– И ты согласилась? – удивилась дочь, потому что знала

скромный характер мамы.

– Не сразу. В голове закрутились мысли. Вроде пойти хочется, но это неприлично... Внутри меня словно бы поселились две личности, которые размышляли: «Согласиться?.. Отказаться?»

– В общем, она так сильно запуталась в своих двух личностях, – хохотнул отец, – что, когда я спросил, идём мы ужинать или нет, выдала: «А ваша девушка это одобрила бы?» Выяснив, что мы оба свободны, наконец, отправились кушать. А то я готов был съесть её саму, не то что тарелку супа.

– Так вы же пирожки ели? – подняла бровь Ксюша.

– Наивная! – воскликнул отец, – ты думаешь, я наелся парой пирожков?

– Почему же не съел больше?

– Объедать студентку? Это не в моих правилах. Кто знает, съешь я ещё два пирожка, может, она сочла бы, что я обжора, и не стала бы дальше общаться.

Мама засмеялась:

– Ну да. Теперь вот расплачиваюсь – пирожками каждый месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.